

НОРМАНДСКАЯ ЛЕГЕНДА

«Нормандская легенда» переносит читателя в далекое X столетие. Завоеватель Ролло создает на землях северной Франции свое королевство. Его силы полностью подчинены этой задаче, однако все чаще он откладывает меч, чтобы уединиться со своей пленницей — рыжей Эммой из города Байе. Да и Эмма, непокорная и строптивая, все больше думает о захватчике отнюдь не как о враге. Смогут ли соперники Ролло воспользоваться его слабостью? Ведь они уже поняли: могучий Ролло уязвим, когда речь заходит о рыжей Эмме из Байе.

Жестокое время, набеги, морские сражения, запутанные интриги... и великая любовь, выросшая из мрака войн.

Он круто повернулся к ней, но не произнес ни слова. И тогда Эмма сказала:

— Я ведь по сердцу тебе, Ролло.

Казалось, он молчал целую вечность.

— Ты — как сладкий сон, Эмма. Но никогда ради тебя я не растопчу две судьбы — моей жены и моего брата.

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-3882-4

9 786171 1238824

СИМОНА ВУЛАР

ПРИНЦЕССА ВИКИНГОВ

СИМОНА ВУЛАР

НОРМАНДСКАЯ ЛЕГЕНДА

ПРИНЦЕССА ВИКИНГОВ

НОРМАНДСКАЯ ЛЕГЕНДА

СИМОНА
ВИЛАР

ПРИНЦЕССА ВИКИНГОВ

НОРМАНДСКАЯ ЛЕГЕНДА

УДК 821.161.1(477)
ББК 84(4Укр=Рос)
В44

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Иллюстрация на обложке *Романа Ногина*

Шрифтовое оформление *Сергея Ткачева*

ISBN 978-617-12-3882-4

- © Гавриленко Н., 2015, 2017
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2017
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2017

ГЛАВА 1

909 год от Рождества Христова

Окно в башне было открыто. Время от времени порывы ветра, хлопая ставнем, врываются в комнату. Там на небольшом возвышении стояло роскошное ложе, изголовье которого по скандинавскому обычаю было украшено резными лошадиными головами. Пушистый песцовый мех покрывал его сплошной серебрищейся массой, спускаясь к плитам пола пышными хвостами. Здесь, у коротких точеных ножек ложа, валялись сброшенные второпях женское платье из золотой парчи и тяжелая мужская одежда из кожи, грубые сапоги со шнуровкой, мощный меч, в рукояти которого кровавым огнем горел рубин. А на мехах, сплетаясь в жарком объятии, ритмично двигались два обнаженных тела.

Наконец мужчина глухо застонал сквозь зубы, и тотчас ему ответила женщина — коротко вскрикнув, она изогнулась и откинулась, погрузившись в мех и урча, как дикий зверь. Теперь они лежали тяжело дыша, и лишь холодные порывы ветра, влетающие в узкое окно башни, сливались с их дыханием. Мужчина приподнялся на локте и откатился в сторону, перевернувшись на спину. Закрыв глаза, он еще некоторое время приходил в себя, успокаивая дыхание. На светлом серебристом меху его мускулы выделялись особенно рельефно, мощная грудь вздымалась. Женщина с тихой полуулыбкой смотрела на него. В этой улыбке светилось торжество. Между приоткрытыми чувственными губами блеснули мелкие, как у хищника, зубы. Ее глаза были необычными: широко расставленные, миндалевидные, один — светло-голубой, другой — блестящий, аспидно-черный.

— Сама Фрейя¹ кружит нас, не так ли, Рольв?

Она провела рукой по его резко очерченному лицу, по сильному подбородку, шее, запустила пальцы в разметающиеся русые волосы.

— Что? — не открывая глаз, спросил он.

---

¹ Фрейя — богиня любви в скандинавской мифологии. (Здесь и далее прим. авт.)

— Я говорю, что боги создали нас друг для друга. — И, словно не веря в сказанное, женщина спросила: — Ты любишь меня как прежде, Рольв?

Он слегка улыбнулся.

— Порой ты смешишь меня, Снэфрид. Мои люди заждались меня, после похода на Бретань я провел с тобой три дня и три ночи, а ты все еще спрашиваешь, люблю ли я тебя. Разве я не доказал это?

Он говорил сонно, не открывая глаз, и от этой его медлительности кровь закипала в жилах Снэфрид. Она вновь хотела его. Ей было мало. Всегда. Иногда Снэфрид казалось, что она готова загрызть его, как волчица, лишь бы он не принадлежал больше никому.

— Довольно, — вдруг резко проговорил Ролло, когда она снова начала ласкать его. Отведя обнимавшие его руки, он встал. — Не сердись, Снэфрид, мне пора возвращаться.

Он подошел к окну и потянулся всем телом навстречу ветру, растрепавшему его длинные волосы. Он был очень рослым, массивные мускулы, словно змеи, сплетались под блестящей смуглой кожей. Снэфрид зарылась лицом в мех, чтобы не видеть мужа, борясь с искушением броситься к нему, обвить руками, прижаться всем телом. Когда она справилась с собой, Ролло по-прежнему стоял у окна. Она знала, куда устремлен его взгляд. Отсюда, с холма, где стояла башня, город был виден как на ладони. За эти дни, проведенные в объятиях жены, страсть и нежность наскучили Ролло. Его энергия требовала выхода, и мыслями он уже был там, в городе, на который сейчас смотрел, на земле, которую он покорил. Снэфрид поняла это, но не смогла удержать тоскливого вздоха. Она снова должна остаться одна, томясь ожиданием, созерцая из башни чужую ей землю, которая отнимала у нее мужа.

Словно прочитав ее мысли, Ролло сказал:

— Не сердись, моя Снэфрид. Мне пора уезжать.

Женщина порывистым движением встала. Она была высокой, гибкой и при этом очень сильной — длинные мускулистые ноги, крутые бедра, плоский живот никогда не рожавшей женщины. Грудь ее была ослепительно-белой, с голубыми прожилками вен и крупными розовыми сосками. А плечи, руки, спина — почти как у воина, с рельефными мышцами. Однако роскошные

светлые волосы придавали ей пленительную женственность — они облаком окутывали ее, ниспадая до колен и завиваясь на концах крупными кольцами.

Беззвучно приблизившись, женщина стала рядом с Ролло. Но он не повернулся к ней, продолжая взирать вдаль, чуть щурясь от свежего ветра, который принес с собой запахи умирающей зелени и легкие блестящие паутинки. Ветер гнал по небу осенние облака, а под ними, то вспыхивая на солнце, то покрываясь сумрачной тенью, извивалась, уходя в туманную дымку у горизонта, самая широкая река франкских земель — Сена. Пересекая просторы необъятной равнины, усыпанная многочисленными островками, она описывала отливающую сталью дугу, а над ней темной громадой высился город.

На него-то и смотрел викинг, забыв о стоящей рядом прекрасной нагой женщине. Это была его столица, которую он восемь лет назад поднял из руин и пепелищ. Понадобились титанические усилия, чтобы, несмотря на нескончаемые войны, которые ему приходилось вести с франками и со своими соотечественниками, вдохнуть жизнь в это скопище обгорелых камней и жалких глинобитных лачуг. Старый город Ротомагус викинги теперь называли Ру Хам — «усадьба Ролло», а вернувшиеся в эти края франки переделали скандинавское Ру Хам на свой лад в Руан, именуя своего правителя-чужеземца просто Ру. И теперь на месте прежних руин каменщики, отовсюду свезенные викингами, восстанавливали римскую стену, возводили дома, отстраивали разграбленные и опустошенные христианские храмы. Ближайшим советником язычника Ролло стал христианский епископ Франкон, первым признавший власть конунга и даже попросивший его сохранить то, что осталось от бывшего Ротомагуса. И язычник оправдал надежды епископа: он взял этот город под свою защиту, вернул в него людей, собрал мастеров и принялся восстанавливать. И сейчас, когда Ролло смотрел на вздымающуюся над рекой линией гранитных укреплений, на покатые крыши домов, на мачты выстроившихся у пристани кораблей, даже на кресты церквей христиан, он испытывал настоящее удовлетворение, а его серые глаза светились гордостью.

Совсем иначе относилась к этому городу Снэфрид. Она не желала даже жить в нем, предпочтя устроиться в стенах старого

монастыря на холме за чертой Руана. Ролло часто навещал ее здесь, и ей удавалось удерживать мужа у себя даже по нескольким дням. Для Снэфрида этот город олицетворял собой все то, что отнимало у нее мужа. В Руане у него были соратники, подданные, этот город воплощал его мечту о власти, которая была для него важнее всего, — именно ради нее он покинул когда-то свою холодную родину.

— Мне пора, — снова произнес викинг. — Хочешь, поедем вместе?

Снэфрид отрицательно покачала головой.

— Нет. Я предпочитаю уединение, ты же знаешь. Город грязен, в нем шумно и смрадно. А я люблю покой и ветер.

— Ветер, — повторил Ролло и зябко повел плечами. — Дыхание богов. Здесь его хватает.

Он вернулся к ложу, собрал одежду и стал одеваться. Несмотря на проникавший в окно свет дня, в комнате было сумрачно. Массивная колонна в центре круглого помещения поддерживала арки свода. Около нее стоял накрытый стол, поблескивали кубки и кувшины с элем и местными винами, пахло жареной дичью, на блюдах были разложены фрукты. Снэфрид старалась, чтобы, находясь у нее, Ролло ни в чем не испытывал недостатка. И сейчас, уже одевшись, конунг уселся за стол, с невольной нежностью подумав о жене. Он видел, как Снэфрид, натянув длинную рубашку из тонкого льна, грациозно облеклась в шуршащее парчовое платье. Она всегда двигалась неторопливо, как будто нехотя, а свой неистовый темперамент проявляла только на ложе, да еще в набегах, когда они скитались по просторам морей. В бою светловолосая валькирия¹ Снэфрид не уступала мужчинам. Кто бы мог подумать, что эта медлительная, всегда словно погруженная в полудрему женщина в сражении сильна и быстра как молния, а вид неприятельской крови возбуждает в ней пыл, сходный с бешенством берсерков².

Поглядывая на жену, Ролло разломил куропатку и впилился зубами в сочную мякоть. Он видел, как нежно касается рукояти его меча Снэфрид.

¹ Валькирии — небесные девы-воительницы.

² Берсерками называли могучих воинов, которые во время боя впадали в транс, приобретали сверхъестественную силу и почти не ощущали боли от полученных ран.

— Глитнир, — тихо назвала она оружие по имени, поглаживая рукоять, словно лаская ее. — Жало брани, зверь щитов, луч сечи. Я рада, что ты вернул его себе. Это добрый друг. О, как он пил росу смерти¹ в походах!

Она с улыбкой взглянула на мужа.

— Славное было время, когда наши морские кони разрезали кровлю обиталища рыб и не было берегов, где бы мы не бросали свой якорь.

Ролло видел, что она тоскует по набегам, по той поре, когда они вели жизнь морских викингов, еще не зная, что в один прекрасный день осядут в стране франков. Но то время ушло. Снэфрид иногда просила его покинуть эту землю, которую сразу невзлюбила. Он же быстро пустил здесь корни и теперь считал ее своей.

Не глядя на жену, Ролло проговорил:

— Мне удалось вернуть Глитнир лишь в Нанте, где укрылся от меня старый Гвардмунд. Он поплатился жизнью, за то что посягнул на оружие рода Пешехода.

— Я знаю. Ведь ты привез голову этого старого негодяя. Почему ты не показал ее мне?

Ролло молчал. Тогда Снэфрид сказала:

— Но я знаю и то, что ты велел передать ее рыжей Эмме, племяннице герцога Роберта. Мой бедный разум отказывается служить мне — зачем христианке такой подарок?

Ролло молча жевал. Затем негромко проговорил:

— Я был пленником Гвардмунда и его сына Герика. Она должна была знать, что я никогда не оставляю неисполненным то, что обещал, и всегда отвечаю новым ударом на поражение.

— Вот как? Тебе так важно было убедить в этом рыжую франкскую девку?

Ролло не ответил. Всегда, когда речь заходила о девушке, привезенной им для младшего брата, между ним и Снэфрид возникала напряженность. И Ролло стало легче, когда он увидел, что жена отвернулась и стала перебирать свои подарки: золотые браслеты, ожерелья, ткани, меха. Она ласково гладила связки белых шкур, улыбаясь, разглядывала снежно-белых горностаев,

¹ Жало брани, луч сечи — меч; роса смерти — кровь. Подобные иносказательные выражения назывались кенингами.

дула на пушистый огненно-рыжий мех лисы — такой, как волосы Эммы, пленницы Ролло, за которую он выторговал у Роберта Нейстрийского мир на весь этот год. Он вдруг отчетливо вспомнил ее огненную гриву и гневный взгляд огромных темно-карих глаз. Неожиданно он вздрогнул, заметив, что Снэфрид наблюдает за ним. Иногда ему казалось, что жена догадывается о его чувствах к рыжей пленнице Эмме, племяннице его соперника и первого врага Роберта Нейстрийского. Да, Снэфрид порой видела его насквозь своими странными разноцветными глазами. Его люди называли ее Белой Ведьмой, но Ролло только злился, когда слышал это. Снэфрид любит его, она ему верна. И он тоже бережет ее и никогда не причинит ей боли. Что же касается рыжей Эммы... Она как дикий зверек, которого он так и не смог приручить. Она забавляет его, к тому же благодаря ей он может влиять на Роберта. Герцог никогда не посмеет рискнуть жизнью дочери короля Эда¹, своего обожаемого покойного брата. Он согласился на предложенное Ролло перемирие, поставив единственное условие — чтобы никто не узнал, что невеста брата Ролло происходит из рода Робертинов. Для всех она просто Эмма из Байе, Птичка, которая волшебным образом поет, рыжеволосая франкская красавица, на которой вскоре должен жениться его брат, ибо Атли гораздо лучше, чем Ролло, удастся приручить эту строптивку. Конунг же больше не станет думать о ней и сам вручит ее брату. А у него есть Снэфрид, Лебязьбелая, — валькирия, перед красотой которой бессильно даже время.

Ролло отхлебнул из плоской золотой чаши. Он уже давно отдавал предпочтение винам этой страны, а не браге и норвежским пряным медам. Сейчас в чаше перед ним плескалось светлое анжуйское — из бочонков, привезенных им год назад после похода на Луару. Тогда было захвачено много всякого добра: провианта, железа, живности, а также множество женщин и невольников — хороших мастеров. Всех их погрузили на тяжелые кнорры², и младший брат Ролло доставил их в Нормандию. Ролло же привез лишь

¹ Король Эд (888—898) — король франков из рода Робертинов. Добился власти, отстояв от викингов Париж. После его смерти на троне вновь оказался Каролинг — Карл Простоватый.

² Кнорр — торговое палубное судно скандинавов, более вместительное, но менее быстрое, чем боевой корабль — драккар.

рыжеволосую пленницу Эмму, принцессу, жизнь которой стала ставкой в торге с Робертом Нейстрийским, герцогом франков.

Ролло с наслаждением попивал напиток, глядя поверх золотого края чаши на свою финку. Стоя у стены, где среди тканых ковров с норвежскими драконами висело круглое бронзовое зеркало, Снэфрид примеряла длинные звенящие серьги. Нельзя было не залюбоваться ею — статной, величавой и такой же прекрасной, как и в тот день, когда она соблазнила его, еще мальчишку, на далекой холодной родине. Позже, когда он стал изгоем и был объявлен в Норвегии вне закона, она не отреклась от него и поделила с ним изгнание. А ведь ее первый супруг, конунг Норвегии Харальд, намеревался сделать Снэфрид королевой. Она же отвергла все, бежав с Ролло, и, хотя была гораздо старше его, красота ее за эти годы совсем не поблекла. Истинная королева, достойная той земли, которую он покорил. Она верила в него, и Ролло всегда помнил, чем она пожертвовала из любви к нему. И никогда, никогда он не откажется от нее, она всегда останется его женой. Правда, Снэфрид так и не подарила ему наследника, но все эти годы была ему верной подругой, советчицей, пылкой возлюбленной. Отчего же теперь он чувствовал, как между ними растет отчуждение? Их связывала плоть, ибо ни одна женщина не дарила ему таких наслаждений, как эта светлокудрая валькирия. Души же их существовали порознь.

Ролло чувствовал, как одна его часть стремится бежать от Снэфрид, а другая страстно жаждет ее. Епископ руанский Франкон как-то заметил, что финка, похоже, опоила его любовным зельем. Но разве она недостаточно хороша, чтобы пленить мужчину безо всяких чар? Ролло видел, как восхищенно смотрят на нее викинги, и гордился ею. Ему нравилась даже таинственность и загадочность Снэфрид. В сущности, он знал о ней ничтожно мало. Она жила своей жизнью, которая оставалась закрытой для всех. Иногда он ловил себя на мысли, что и сам не стремится приподнять покровы этой тайны. Белая Ведьма! Он не желал в это верить! Люди поговаривали, что ему следует взять другую жену, потому что правителю не обойтись без наследника. У Ролло были дети от других женщин, некоторых он признал, и они жили в его

дворце. Три дочери и два сына. Ролло по-своему любил их, но они не имели в его глазах такого значения, какое имели бы, будь его законными отпрысками. Направляясь в покои жены, он иногда прихватывал с собой одного из детей, но Снэффрид неизменно оставалась холодна с ними. Ролло понимал, что ей больно видеть их. И он простил ее, даже когда однажды она грубо потребовала, чтобы он не навязывал ей своих пашенков. Заглянув в ее пылающие гневом разноцветные глаза, он поклялся Одином, что ни одна из матерей его детей никогда не займет места подле него, и призвал в свидетели Тора и всех богов Асгарда¹. До сих пор он следовал этой клятве, и Снэффрид оставалась его женой, несмотря на острую неприязнь к ней некоторых ближайших сподвижников Ролло. Даже Атли, его любимый младший брат, не верил финке и опасался принимать целебные травы из ее рук, предпочитая услуги монахов. Однако именно Снэффрид помогла его брату подавить мятеж соотечественников Ролло, пришедших грабить эти земли, пока он был в походе этим летом. Тогда даже его соратник Ботольф Белый, не больно жаловавший Белую Ведьму, вынужден был признать, что ее действия были разумны и она показала себя достойной супругой правителя.

Ролло внезапно замер, заметив, что Снэффрид достала из сундука завернутый в полотно тяжелый зубчатый венец и внимательно разглядывает его. Венец был из светлого золота, украшенный по кругу крупными молочно-белыми жемчужинами и сверкающими в зубцах-трилистниках топазами. Снэффрид улыбнулась этому великолепию и уже повернулась к зеркалу, чтобы примерить венец, как голос Ролло остановил ее.

— Нет, Снэффрид, нет! — торопливо проговорил он и вдруг смутился, почувствовав, что снова не в силах взглянуть ей в глаза. В глубине души он проклял того олуха, который, вопреки его приказу, уложил этот венец вместе с остальными драгоценностями.

— Нет, Снэффрид. Позволь забрать венец у тебя.

— Но он мне нравится!

Надев его на голову, она пристально разглядывала себя в зеркале. Ролло чувствовал, что Снэффрид украдкой наблюдает за

¹ Один, Тор — в древнескандинавской мифологии верховные божества, живущие в небесном дворце — Асгарде.

ним. Неожиданно в нем поднялось раздражение. Однако, совладав с чувствами, он заговорил ровно:

— Снэфрид, этот венец принадлежит невесте Атли. Он был подарен ей в Бретани берсерком Гериком. Отправляясь в поход, я пообещал Атли и ей, что верну это украшение, чтобы Эмма надела его в день их свадьбы.

Если бы речь шла о ком-то другом, а не о рыжей пленнице, он и не подумал бы давать объяснения, а молча забрал бы драгоценность. И Ролло сердился, что вынужден оправдываться перед женой.

Но Снэфрид невозмутимо сняла венец и, отложив его в сторону, стала перебирать другие подарки. Она никак не выказала неудовольствия, и Ролло был благодарен ей за это. Он видел, как она взяла в руки тонкий кинжал с мерцающими в рукояти голубыми камнями.

— Это, надеюсь, я могу взять? Прекрасное оружие. Я дам ему имя Глер — «светящийся».

Снэфрид как будто забыла о венце. Но это было не так, потому что, не переставая любоваться кинжалом, она вдруг сказала:

— Ты, Рольв, слишком балуешь рыжую девку.

Ролло помрачнел.

— Она невеста Атли, а значит, почти наша родственница.

— Невеста... Не думаю, что когда-либо они выпьют свой брачный напиток. Она вьет из твоего брата веревки, и Атли никогда не осмелится настоять на своем.

— Зато я настою, — отставив чашу, резко проговорил Ролло, — этот союз очень выгоден для нас. Эмма — принцесса франков, и когда-нибудь я оглашу это. Атли же — мой наследник.

Снэфрид облегченно вздохнула.

— Что ж, если этот венец поможет поскорее состояться свадьбе, я буду рада. Ибо пока вами, братьями, крутит эта надменная дева...

— Атли чтит ее, — обронил викинг. — Он не хочет принуждать ее силой.

— Тогда пусть вмешается епископ Франкон. Пусть он напомнит им, что они живут в грехе — кажется, так это называется

у христиан. Ибо эта девушка и твой брат проводят ночи на одном ложе невенчанными.

Наблюдая за Ролло в зеркале, она заметила, как при последних словах по лицу мужа скользнула тень. Он нахмурился и быстро встал, вытирая руки о скатерть. Затем поднял с ложа золотой венец, уложил его в сумку и приторочил ее к поясу. Снэффрид, опустившись на колени, опоясала мужа мечом.

— Я буду ждать тебя, мой Ру, как верная рабыня ждет господина.

Ролло улыбнулся.

— Я скоро пришлю за тобой. Как только все будет готово к пиру. Теперь проводи меня, жена.

Они шли по узкому коридору с низкими круглыми арками. Над каждой из них было изображено распятие — единственное напоминание о том, что прежде здесь была христианская обитель. Снэффрид оставила это изображение, заявив, что распятый Бог христиан похож на отца богов Одина, повешенного на Мировом ясене Иггдрасиль. Больше же ничего от старого здесь не осталось. Даже станки в ткацкой, где работали девушки-рабыни, Снэффрид велела установить вертикальные, а не горизонтальные, как принято у франков. Она с упрямой ненавистью истребляла все франкское, за исключением одежды, явно предпочитая норвежским передникам и головным покрывалам элегантные наряды франкских дам.

В монастырском дворике, окруженном выщербленными колоннами, Ролло вскочил на коня, которого ему подвел огромный угрюмый викинг с начавшей уже сесть гривой волос и бельмом на глазу. Это был Кривой Орм, телохранитель Снэффрид. Он был немой, но это не мешало ему прослыть великолепным воином и силачом, каких поискать. Снэффрид он был предан телом и душой.

Ролло выехал из монастырского двора там, где колоннада рухнула, образовав груды щебня, которые никто так и не удосужился убрать, и теперь они поросли жесткой травой. Дальше начинались хозяйственные постройки, и даже осенний ветер не мог развеять душливый запах, исходивший от куч навоза, которые ворошили вилами рабы в кованных ошейниках. Ролло пришпорил своего великолепного вороного: ему вдруг нестерпимо захотелось поскорее оказаться как можно дальше отсюда. Он едва дождался, пока страж-

ники вытащат толстый дубовый брус из ворот. Ветер развеивал полы его широкого светлого плаща. На Снэффрид, творившую вслед ему охраняющие путника руны, он так и не оглянулся.

Глаза финки были широко распахнуты, лицо словно окаменело. Когда Ролло скрылся из виду, она, медленно и тяжело ступая, прошла во внутренний двор. Здесь, у колоннады, ее догнала семенящей походкой крохотная старуха — лицо будто печеное яблоко, седые космы жалкими клочьями торчат из-под завязанного на затылке скандинавского покрывала.

— Да пребудет с тобой благоволение небесной Фригг¹, прекрасная Сванхвит, вельможнейшая нива гривен!²

Снэффрид остановилась, глядя на старуху сверху вниз. Это была колдунья и пророчица, прибывшая из Норвегии много лет назад с первыми драккарами и помнившая еще походы викингов на Париж. Когда король франков Эд разбил на Монфоконе их войско, пророчица бежала и нашла пристанище в одной из пещер близ Ротомагуса. С недавних пор у них со Снэффрид появились общие странные дела, поэтому старуха часто навещалась в усадьбу на холме.

— Ты нашла то, что мне нужно? — бесцветным голосом спросила женщина, пока старая ведьма осыпала поцелуями ее холеные руки.

— Хо! С самого утра дожидаясь твоей милости, — зашамкала та беззубым ртом. — Сегодня у нищенки в селении родился младенец. Но достаточно ли у тебя яркого дождя ладоней³, чтобы купить себе частицу юности?

— Бывало ли так, чтобы я не могла расплатиться, Тюра?

— Тогда я приведу ее с наступлением ночи.

И колдунья, как девчонка, заскакала вприпрыжку между колоннами в сторону ворот, захихикала, заскрипела, напевая и приплясывая. Люди невольно расступались, давая ей дорогу, одни творили за ее спиной знак, охраняющий от злых сил, другие крестились, зная, что супруга Ролло грешит колдовством и боясь даже ее взгляда, но эта старуха внушала им еще боль-

¹ Фригг — богиня брака у древних скандинавов, жена верховного бога Одина.

² Нива гривен — женщина (кенинг).

³ Яркий дождь ладоней — золото (кенинг).

ший страх. Когда она посещала их госпожу, в стенах старого монастыря всегда происходило что-то ужасное.

— Орм, — негромко произнесла Снэфрид, и богатырь тут же оказался рядом. — Проследи, чтобы никто не входил во двор этой ночью. А старую Тюру, когда явится, проводи в крипту под башней. Тогда же позовешь и меня.

Она вернулась в свои покои. Осенний ветер по-прежнему влетал в открытое окно, колебля ковры с изображенными на них драконами. Казалось, драконы шевелятся, скалят пасти, извиваются в схватке, впиваясь в хвосты и гребни друг друга.

Снэфрид приблизилась к одному из ларей у стены, где были разложены драгоценности, привезенные Ролло. Какое-то время она смотрела на них и вдруг резким движением смела золото на пол, стала топтать ногами в шнурованных башмачках, рыча, словно дикий зверь. Если бы Ролло мог видеть ее сейчас, он не поверил бы, что это она — всегда ровная, тихая Снэфрид, с мягкими, плавными движениями и тягучим медовым голосом.

Новый порыв ветра ворвался в окно, стукнул открытым ставнем. Наконец она в изнеможении, тяжело дыша, с искаженным яростью лицом рухнула на ложе.

— Ненавижу!.. Ненавижу!.. — глухо рычала Снэфрид, впиваясь зубами в деревянное изголовье. — Да провалится рыжая в Хель¹ из копий и мечей, да покроет все ее тело короста, а ну-тро изъест проказа!..

Так она давала выход своей ярости, кляла ту, что вытесняла ее, Снэфрид, из сердца мужа... В отчаянии финка стала подвывать: она уже осознала, что все ее проклятия разбиваются о незримую стену, которой окружена рыжая невеста Атли. Брат Ролло явно догадывался, что Белая Ведьма желает его избраннице зла, и окружил Эмму верными людьми. Как Снэфрид ни пыталась найти подход к кому-нибудь из них, ничего не получалось. К тому же ей приходилось все время быть крайне осторожной и бдительной, чтобы Ролло ни о чем не проведал, ведь он тоже оберегал эту девушку и интересовался ею гораздо больше, чем хотел показать. Все это пугало Снэфрид. Давным-давно ей было видение, что, не-

¹ Хель — подземное царство мертвых у древних скандинавов, а также имя его владычицы- великанши.

смотря на все старания, другая женщина займет ее место рядом с Ролло. И она пристально изучала каждую деву, которую одаривал своим вниманием ее муж. Снэфрид не была наивной и понимала, что у такого мужчины, такого правителя всегда будет много женщин. Но кого бы ни приближал к себе Ролло, Снэфрид чувствовала, что ее места не занять никому. Красавица аббатиса, дочь одного из франкских воинов, улыбчивая толстушка рабыня, которых брал к себе на ложе ее муж, — все они сменяли друг друга, исправно рожая ему детей. Снэфрид же была и оставалась возлюбленной женой. Она уже начала было успокаиваться, когда, словно из небытия, возникла рыжая.

Ее привезли в Руан, когда Ролло вернулся из плена. И оказалось, что помогла ему бежать из плена именно эта рыжеволосая красотка. Человек Ролло, Ботольф Белый, доставал ее вслед за конунгом. Они прибыли в дождливый день в конце прошлого лета. Пленница выглядела жалкой и измученной. Насквозь промокшая, она сидела в крестьянской повозке под прищмотром двух воинов. И в тот же день Ботольф дал Снэфрид понять, что ей придется всерьез соперничать с этой девушкой из-за Ролло.

Тогда Снэфрид не придавала значения его словам, ибо знала, что Ботольф недолюбливает ее и, подобно многим, настаивает, чтобы Ролло развелся с бесплодной женой. Однако правитель Нормандии держался в стороне от пленницы, сразу же вручив ее своему брату, казалось, он был доволен тем, что Атли наконец-то нашел невесту. Но вскоре Снэфрид заметила, что с самим Ролло происходит что-то странное. Постоянная задумчивость сменялась мрачностью и угрюмостью, а иногда на его лице вдруг появлялась беспричинная улыбка. Он ничего не рассказывал Снэфрид о своем путешествии и упрямо уклонялся от ответов, когда жена пыталась осторожно расспросить его о том времени. Поначалу он даже не сказал Снэфрид, что эта девушка — кровная родня Роберта Нейстрийского. И она вздохнула спокойнее, только когда Ролло отправил брата вместе с невестой на побережье — словно подальше от себя. Но уже через несколько дней Ролло отправился следом. Вернулся он сам не свой, долго не являлся к Снэфрид и, как она узнала позже, беспробудно пил со

своими дружинниками. Когда она приехала к нему, он твердил только одно: Эмма делит ложе с его братом.

— Но разве ты не хотел этого? — не повышая голоса, спросила Снэфрид. — Ты ведь собирался поженить их.

— Да, да, я хотел этого! — в отчаянии вновь и вновь повторял Ролло, словно пытаюсь в пьяном угаре убедить самого себя.

Происходящее не на шутку пугало Снэфрид. До сих пор она была почти уверена, что, кроме нее, только Атли что-то значит для Ролло. Недаром муж твердил, что, когда брат женится, он станет его наследником. Теперь же Ролло, вопреки своим словам, всячески оттягивал этот брак. И что самое ужасное — он страдал.

Снэфрид приложила все силы, чтобы отвлечь Ролло от мыслей о девушке. Все было пущено в ход: страсть, колдовство, слово. Финке уже стало казаться, что у нее получилось, и она начала понемногу успокаиваться, но все рухнуло в тот день, когда в Руан явились послы Роберта. Именно тогда Снэфрид узнала, кто такая в действительности рыжая Эмма: высокородная принцесса франков, родня их герцога, в которой течет королевская кровь. Союз с ней мог дать Ролло право на земли, которые он до сих пор удерживал только силой. И если он решит, что он сам, а не младший брат, должен таким образом укрепить свою власть над этим краем... Снэфрид боялась додумать эту мысль до конца. Оставалась только надежда на влюбленность младшего брата в Эмму и на решение самого Ролло осчастливить Атли союзом с ней.

А пока Ролло торговался с Робертом о его племяннице. Ему даже удалось добиться для себя целого мирного года, что тогда было очень кстати, поскольку урожай был скудным и требовалось время, чтобы навести порядок в Нормандии и подготовиться к решительным действиям против франков. Однако послы Роберта требовали предъявить им Эмму, чтобы убедиться, что с девушкой все в порядке. Ролло послал за нею и братом, и, когда те прибыли, у Снэфрид словно открылись глаза — она увидела, как хороша собой эта христианка. Даже малокровный Атли, казалось, воспламенялся в ее присутствии. А Ролло, вместо того чтобы после окончания переговоров соединить их брачным союзом, опять почему-то тянул, продолжая навещать брата с невестой в епископском дворце, где им отвели покои.

Снэфрид в одиночестве сидела в башне на холме. Она ворожила, шептала заклинания, приносила жертвы богам. Никогда еще ее одиночество не было столь тягостным и унижительным. Редкие визиты Ролло были всего лишь жалкими подачками ее жадной любви. Из бесед с он она поняла, что мужем уже не настаивает на браке пленницы и Атли. Смеясь, он рассказывал, что эта девушка поставила одно условие: брат Ролло должен принять крещение, и только тогда она согласится, чтобы епископ Франкон обвенчал их.

— Но Атли никогда этого не сделает, — заметил Ролло, — потому что я ни за что не позволю ему!

Снэфрид кусала губы. Уж она-то знала, что Атли сблизился кое с кем из христианских священнослужителей, ибо вконец разочаровался в способности языческих богов помочь ему справиться с хворью. В Руане уже было немало обращенных викингов. Но о том, чтобы крестился Атли, Ролло и слышать не хотел.

Казалось, его сейчас не занимает ничего, кроме рыжей пленницы. Простодушие его просто не знало границ — он подолгу рассказывал Снэфрид, как эта девушка научилась превосходно ездить верхом, как быстро усваивает их язык и каким восхитительным даром наделили ее боги — она поет, словно птицы Валгаллы!¹

Снэфрид слушала с улыбкой, ничем не проявляя своих истинных чувств.

— Неплохо, что эта девушка тебя так забавляет, Рольв!

Он кивал, уже погруженный в размышления, глядя перед собой невидящим взглядом. Иногда Снэфрид приходилось употребить все умение, чтобы привлечь внимание мужа к себе. И все же ей по-прежнему удавалось вырывать у него этот похожий на приглушенный львиный рык стон блаженства в минуту любовной близости. Она подмешивала в питье викинга разные любовные снадобья, шептала над ним, спящим, заклинания... Она знала странную силу своих глаз — сосредоточившись, она была способна причинить человеку боль даже на расстоянии. Но внушить любовь не могла. И когда Ролло, словно бы сразу устав и замкнувшись, рывком вскакивал на коня и уносился в го-

¹ Валгалла — рай в скандинавской мифологии.

род, к Эмме, у Снэффрид оставалась одна бессильная ненависть. Даже медвежьи объятия верного немого Орма, с которым она иной раз утоляла свою тоску, не приносили ей облегчения.

И тогда она принялась будить ревность в Атли. Это было не легко, ибо мальчишка не доверял ей. Снэффрид приходилось взвешивать каждое слово, быть мягкой, сдержанной и убедительной. В конце концов ее усилия возымели действие. Обычно спокойный, вяловато-болезненный юноша потребовал, чтобы Ролло оставил Эмму в покое. И тот вынужден был подчиниться. Их совместные поездки прекратились, однако старший брат по-прежнему осыпал девушку подарками, охотился вместе с ней, бдительнее прежнего охранял ее.

— Вскоре они поженятся, — говорил он теперь Снэффрид. — Принцесса франков войдет в нашу семью, и я намерен приручить ее. Этот союз даст моему брату права на трон даже в глазах франков.

Снэффрид не верила ни единому его слову. Она уже знала, что Эмме сошло с рук убийство старого кормчего Кетилия, а тех, кому Ролло отдал девушку на потеху, он сам же впоследствии отдалил от себя, словно возненавидев.

Среди них оказался и датчанин Рагнар, бывший одним из ближайших соратников конунга. Именно Рагнар рассказал Снэффрид все, что знал о рыжей христианке, к которой не испытывал никакого почтения. Вернее, он откровенно не любил Эмму, чем и расположил к себе Снэффрид. К тому же Рагнар всегда смотрел на скандинавку влюбленными глазами, и Лебязьебелая решила для себя, что когда-нибудь этот строптивый викинг пригодится ей.

Как показали дальнейшие события, она была права. Ролло двинулся походом на Бретань, отослав Рагнара в крепость на франко-нормандской границе. Но едва Снэффрид кликнула датчанина, тот явился не мешкая. Для вызова Рагнара у финки были основания — она собирала вокруг себя верных ярлов¹, так как с отъездом конунга немало новых викинг-датчан решили испытать удачу на его землях. Сильный флот данов поднялся по Сене и осадил Руан. Атли же, слабый и не пользующийся популярностью

---

¹ Ярл — князь.

среди норманнов, не мог организовать достойный отпор. Зато это могла сделать жена Ролло — воительница Снэфрид Сванхвит. Атли был вынужден прийти к ней и умолять о помощи.

Снэфрид вновь ощутила на плечах тяжесть кольчуги. Вместе с преданным Рагнаром и другими ярлами она повела войска на защиту ненавистного ей города.

Ее стрелы пронзали врагов, рука привычно держала щит, отражая все новые удары. Вскоре войско Снэфрид начало теснить данов, и она искала случая в суматохе пустить стрелу в рыжеволосую девушку, которую давно заметила на стене среди защитников Руана. Однако ее намерение, похоже, предугадал Ботольф Белый — верный конунгу старый ярл, находившийся в то время в городе.

Спрашивается, какое дело Ботольфу до рыжей христианки? И тем не менее он почему-то взялся оберегать Эмму. Ботольф наблюдал за Снэфрид, и та это чувствовала. Пришлось ей оставить рыжую в покое, решив, что время еще придет. Не всегда же старый медведь Ботольф будет крутиться в Руане! Он властитель города Байе и скоро уедет. А пока Снэфрид, решив оставаться вне подозрений, возглавила погоню за отступавшими к морю данами. Рагнар без раздумий последовал за ней и не раз рисковал жизнью, прикрывая ее собой во время кровавых абордажных схваток. Снэфрид была благосклонна к нему, сама перевязывала раны, но не допускала ни малейшей вольности с его стороны. Рагнар был ей еще нужен, а Снэфрид взяла за правило не оставлять в живых никого из мужчин, с кем она порой утоляла нетерпение плоти. Она потчевала их ядом, убивала во время сна или поступала как с Ормом. Немой великан был единственным, кого не постигла смерть. Рагнар же был слишком своеволен и непредсказуем.

Снэфрид вернулась в Ротомагус незадолго до прибытия Ролло. Атли встретил ее с великими почестями, устроив пир в ее честь. Даже епископ Франкон был вынужден велеть ударить в колокола при въезде Снэфрид в город. На пиру Лебязьебелая сидела выше всех воинов и предводителей, однако в душе ее царил мрак — из-за рыжеволосой франкской девицы. Она чувствовала себя оскорбленной ослепительной красотой юной Эммы, с ее осанкой прирожденной властительницы. Отложив баранью кость, которую она усердно обглаживала, Снэфрид наблюдала

из-под опущенных ресниц, как эта девушка изящно ест, беря мясо самыми кончиками пальцев, как с аппетитом, но без жадности пробует каждое блюдо, как ополаскивает руки в чаше с душистой водой, которую держит прислуживающий ей мальчик.

В груди Снэфрид взметнулась волна бессильной ненависти. Она решила. Она сжалась в комок, подобрала колени, вызывая в себе тупую, разрушающую силу, после которой придется несколько суток в полном кошмаров оцепенении провести в постели. По вискам ее заструился пот, руки, державшие кубок с чистой водой, задрожали. Снэфрид не отрываясь смотрела на воду, и та вдруг стала исходить тонким паром, подрагивать, словно должна была закипеть. И тогда поверх золоченого края кубка она коротко взглянула на Эмму. О, это сладкое мгновение!

Девушка уронила чашу с вином и схватилась за ворот, задыхаясь. Глаза ее сначала расширились, потом закатились, блеснули белки, и, хватая воздух, она стала падать на руки Атли, испуганно подхватившего ее.

И опять помешал Ботольф. Он знал, что следует делать. Зайдя сзади, он что было силы рванул Снэфрид за косы и опрокинул ее на пол вместе с тяжелым креслом.

Теперь Лебяжьебелая уже не шевелилась. С этой секунды она была бессильна, как мертвая мышь. Сквозь гул в ушах она слабо различала крики, ругань, топот тяжелых сапог. Словно в тумане видела, как Рагнар кинулся на Ботольфа... Ничего удивительного: стычки викингов на пирах были делом обычным. Главное, чтобы никто не понял, почему Ботольф сделал то, что сделал, а сам он держал бы язык за зубами... Она думала об этом все время, пока люди Рагнара несли ее в закрытых носилках к башне. Снэфрид скрипела зубами, чтобы не завывать от нестерпимой боли в голове, не было сил шевельнуть даже пальцем. Она с трудом заставляла себя вслушиваться в слова Рагнара.

— Подумать только, старый пес из Байе так налился, что посмел поднять руку на саму королеву! Клянусь Рыжебородым¹, если бы нас не разняли, я насадил бы его башку на пику, отправляясь встречать Ролло!

---

¹ Рыжебородый — бог-громовержец Тор.

Он склонился к ней.

— Что он сделал с тобой, Лебязьбелая? Я боялся, что он повредил тебе спину. Ты была будто неживая...

Но на третий день Снэфрид уже поднялась на ноги. Взглянув на себя в зеркало, она увидела темные круги под глазами, сухие морщины в уголках рта. Слава богам, в ее светлых волосах не заметна седина. Справившись об Эмме, она узнала, что с той все в порядке — очнулась после обморока, день промучалась мигренью и опять поет. Снэфрид сжала кулаки. Выходит, она стала слабеть, если эта сила не причиняет вреда никому, кроме нее самой: финка словно состарилась на десять лет за те короткие мгновения.

И вновь она принимала ванны из молока ослиц, рабыни растирали ее тело благовонными маслами, вместо перина она спала на досках, покрывая лицо ломтями свежей печени убитых животных — такое средство имело свойство разглаживать кожу. Снэфрид пила теплую кровь ягнят, чтобы омолодиться, намазывала волосы смесью измельченных трав, яиц и сливок, а затем полоскала их в теплой розовой воде с уксусом, чтобы они блестели, как серебро. И когда она выехала верхом навстречу возвращающемуся из похода Ролло, никому бы и в голову не пришло, что это та бессильная, утомленная походом и измученная болью женщина, которую Рагнар Датчанин несколько дней назад доставил из Руана...

Снэфрид вздрогнула, услышав стук открывшегося от ветра ставня. Ветер усилился и теперь неистово завывал, срывая черепицу с крыш. Женщина, озябнув, поднялась с ложа. В комнате было темно — время зажигать свечи. Да и пора узнать, привела ли нищенку старая Тюра.

Снэфрид хотела было закрыть ставень, но ее внимание привлёк отдаленный шум, доносившийся со стороны города. К обычному перезвону колоколов в церквях христиан теперь примешивались хриплые звуки рогов. Город сиял огнями.

— Что там происходит? — пробормотала Снэфрид.

Раздался негромкий стук в дверь. Снэфрид улыбнулась: это робкое, едва слышное царапанье могло принадлежать только слугачу Орму, ее слуге и любовнику.

Когда она открыла, они обменялись взглядами, и гигант накинул ей на плечи темное покрывало. В усадьбе стояла тишина, огонь

горел лишь у ворот, на сторожевой вышке маячила тень стражника. По двору, дабы никто не смел ни войти, ни выйти, бродила гигантская пятнистая кошка — леопард. Зверь уже дважды набрасывался на слуг, и его боялись не меньше самой хозяйки поместья. Даже вооруженные стражники не решались спускаться с галереи над воротами, когда Орм выпускал из клетки этого хищника.

Зверь потерял о ногу Снэфрид, словно ручной котенок, и глухо замурлыкал. Лебязьебелая приучила его брать пищу из ее рук. Кроме нее, хищник признавал только Орма, который чистил клетку и кормил его, когда хозяйке было недосуг.

Оставив зверя во дворе, Снэфрид стала спускаться в подземелье по выщербленным ступеням. Здесь царил полный мрак, пахло плесенью, но Снэфрид шла уверенно. Орм же отставал, оступаясь на старых камнях. Его всегда поражало умение госпожи ориентироваться в темноте. Но вскоре впереди, за дверью у входа в крипту, стал угадываться свет.

Сейчас уже ничто не напоминало о том, что здесь была подземная молельня христиан. В слабом свете коптящей лампы по углам виднелись толстые колонны, поддерживающие полукруглый свод. На стенах еще остались неясные следы росписи, правда, лишь под самым куполом, так как внизу краска облупилась от сырости. Бородатый Бог Отец с нимбом и греческим крестом над головой осуждающе глядел на пришельцев близко посаженными византийскими глазами.

Теперь это место было избрано женщиной, слывущей ведьмой, для своих тайных и нечистых дел. На поставцах вдоль дальней стены стояли черепа людей и животных — лошадей, клыкастых кабанов, длиннорогих туров. На вбитых в свод крюках висели высушенные тушки летучих мышей, некоторые просто-таки чудовищно огромные, с мордами выходцев из преисподней. Комки белой глины на широком столе, чучело филина, какие-то кости, а еще ножи — из лучшего металла, сверкающие, как драгоценности, среди этих омерзительных предметов.

Там, где прежде на небольшом возвышении располагался алтарь, теперь стоял бронзовый стол на изогнутых ножках, с небольшим углублением в центре, которое заканчивалось отверстием. К столу-то и направилась Снэфрид. Она так же ласково поглади-

Літературно-художнє видання

ВИЛАР Сімона
Нормандська легенда
Принцеса вікінгів

Роман
(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *О. В. Стратілат*
Редактор *С. Г. Меркулова*
Художній редактор *Ю. О. Дзекунова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректори *І. В. Набока, Л. Г. Фадеєва*

Підписано до друку 03.08.2017. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Minion». Ум. друк. арк. 19,32. Наклад 8000 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а
E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано у ПРАТ «Харківська книжкова фабрика «Глобус»»
61012, м. Харків, вул. Різдяна, 11.
Свідоцтво ДК № 3985 від 22.02.2011 р.
www.globus-book.com

Литературно-художественное издание

ВИЛАР Симона
Нормандская легенда
Принцесса викингов

Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Стратилат*
Редактор *С. Г. Меркулова*
Художественный редактор *Ю. А. Дзекунова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректоры *И. В. Набока, Л. Г. Фадеева*

Подписано в печать 03.08.2017. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Minion». Усл. печ. л. 19,32. Тираж 8000 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а
E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано в ПРАТ «Харківська книжкова фабрика «Глобус»»
61012, г. Харьков, ул. Рождественская, 11.
Свидетельство ДК № 3985 от 22.02.2011 г.
www.globus-book.com

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093)170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Высылается бесплатный каталог

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@bookclub.ua
www.trade.bookclub.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@bookclub.ua

Одесса

тел./факс +38(067)572-44-28
e-mail: odessa@bookclub.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@bookclub.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@bookclub.ua

Честь для викинга Ролло завжди була понад усе, навіть понад кохання. Та й що означає для нього рудоволоса перекірлива бранка, коли, за пророцтвом, Ролло має стати наймогутнішим правителем? Допоможе йому в цьому молодший брат Атлі, адже саме для брата й привіз Ролло зухвале дівчисько, про яке сам тепер думає весь час...

Чаклунство й інтриги, похмурий колорит раннього Середньовіччя й іскрометний гумор героїв, кохання-ворожнеча і шляхетне самозречення — усе це в історико-пригодницькому романі «Принцеса вікінгів».

Вилар Симона

В44 Нормандская легенда. Принцесса викингов : роман / Симона Вилар. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2017. — 368 с.

ISBN 978-617-12-3882-4

Честь для викинга Ролло всегда была превыше всего, даже любви. Да и что значит для него рыжеволосая строптивая пленница, если, согласно предсказанию, он должен стать могущественнейшим правителем? А поможет ему в этом младший брат Атли, ведь именно для брата и привез Ролло дерзкую девчонку, о которой теперь сам думает не переставая...

Колдовство и интриги, мрачный колорит раннего Средневековья и искометный юмор героев, любовь-вражда и благородное самоотречение — все это в историко-приключенческом романе «Принцесса викингов».

УДК 821.161.1(477)
ББК 84(4Укр=Рос)

СЕРИЯ «НОРМАНДСКАЯ ЛЕГЕНДА»

ВЕТЕР С СЕВЕРА
ПРИНЦЕССА ВИКИНГОВ
ОГНЕННЫЙ ОМУТ
ЛЕСНАЯ ГЕРЦОГИНЯ